

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Дурасова*

В оформлении обложки использован городской пейзаж «Мариинский дворец и Синий мост» (2018 г.) художника Олега Ильдюкова

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Связанные одной тайной / Антон Леонтьев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-093921-3

Как избавиться от призраков прошлого?..

Таня Волкова чувствовала себя маленькой принцессой, ведь родители обеспечивали ей сказочную жизнь в их роскошном подмосковном особняке. Все закончилось в один день, когда Танину семью уничтожил всемогущий криминальный авторитет, в прошлом друг ее отца — она привыкла называть его дядя Ленья. Таня осталась совсем одна... Инсценировав потерю памяти, девочка надолго усыпила подозрения кровного врага ее погубленной семьи. На самом деле она ничего не забыла и искала возможность отомстить... Для этого Таня решила стать юристом и добиться для дяди Лени пожизненного заключения. Судебный процесс разваливался на глазах, но Таня недаром много лет собирала на него компромат. Она не сомневалась, что погубит могущественного олигарха, однако не могла предвидеть предательства единственного человека, которому доверяла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2018
© Ильдюков О.Е.,
иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093921-3

Идет охота на волков. Идет охота!

*На серых хищников — матерых
и щенков.*

...Идет охота!

Владимир Высоцкий



— Волки, — сказал ей в детстве отец, — в лесу не убийцы, а защитники. Настоящий волк всегда охотится не в стае, а в одиночестве. Таков его удел. Это самый сильный хищник.

— И он совсем никого не боится? — спрашивала Таня. На что отец отвечал:

— Ну отчего же... Например, других волков, более сильных. Или охотника. Но даже тогда настоящий волк открывает сезон охоты. Ибо хоть он и боится, но знает — победа останется в итоге за ним. Ведь волки никогда не сдаются. Как и мы.

— А мы что, волки, папочка? Мы же всего лишь Волковы!

И, прижимая к себе дочку, отец пояснил:

— Да, мы Волковы... То есть волки... И ты — одна из нас, *из волков*.

Книга 1



Об этом разговоре, имевшем место, когда ей было лет пять, Таня Волкова вспомнила, когда отмечала в последний раз свой день рождения.

День рождения, приходившийся на седьмое сентября, Таня отметила в последний раз в возрасте десяти лет — и с той поры никогда более не праздновала его. Еще бы, *ведь в тот день она лишилась всей своей семьи...*

Однако начинался этот день, которого она очень ждала и который считала самым чудесным праздником на свете, именно так, как ей и мечталось. А мечтала Таня быть маленькой принцессой. И в тот день стала ею...

Накануне, прекрасно понимая, что родители — в первую очередь отец — всю готовят к предстоящему торжеству, Таня делала вид, будто не замечает ни телефонных звонков, ни поспешно шмыгающей экономки, ни уже доставленных, но все еще спрятанных в зимнем саду корзин с живыми цветами.

Ее старший брат Дима, которого Таня любила и боялась одновременно, бормотал себе что-то под нос об «этих девчоночьих фантазиях», однако Таня знала, что он тоже приобрел ей подарок и спрятал

его у себя в комнате. Откуда знала? Все очень просто: девочка залезла в шкаф брата и обнаружила завернутую в прозрачный розовый целлофан куклу. Огромную, ростом с нее саму!

И все же было так приятно делать вид, словно ничего не замечаешь. И не понимаешь, что все родственники и домочадцы озабочены только одним: предстоящим днем ее рождения! Тем более что тогда был не обычный день рождения, а самая что ни на есть круглая дата.

Правда, на десятый день рождения брата ничего такого торжественного не случилось, хотя Таня, которая была младше Димы на шесть лет, смутно помнила события тех лет. Они ведь тогда не жили еще в этом замечательном особняке, больше похожем на настоящий замок, а обитали на квартире в Москве, впрочем, тоже далеко не маленькой.

Таня знала, что отец относится к Диме излишне строго, а вот ее собственным желаниям потакает. Еще бы, ведь она была его любимицей... Кажется, Дима даже ревновал ее к отцу. Однако ведь он сын и наследник, а она — юная принцесса!

То, что ее отец был важным человеком, Таня уже давно поняла. *Важным и богатым*. Впрочем, о том, что такое быть бедным, она имела весьма условное представление. Потому что все, кто обитал в закрытом поселке под Москвой, были людьми обеспеченными. Но даже среди них ее отец выделялся.

Как выделялся и их особняк, построенный по эскизам мамы. Мама, в отличие от отца, была человеком строгим, несколько отстраненным, иногда даже жестким. Но Таня знала: если сама она принцесса, то мамочка — настоящая королева.

Она как-то увидела в одном из иностранных глянцевого журналов (кстати, мама их терпеть не могла, издания выписывала младшая сестра отца, жившая с ними под одной крышей) удивительно похожую на маму даму — очень красивую, строгую и

такую... такую восхитительную. Дама была в небывалом серебристом платье, со сказочной тиарой в волосах и необычайно красивым ожерельем вокруг тонкой шейки. А на груди у нее алела лента с орденном-звездой, в центре которой как бы изготовился к прыжку крылатый лев. Статья была на французском, однако Таня, которой родители и наняли настоящую гувернантку-парижанку, без труда поняла, о ком шла речь и кем являлась эта сказочная, столь похожая на маму дама — это была великая княгиня Клементина Бертранская.

И Таня дала себе слово, что, когда вырастет, станет такой же, как эта Клементина. А точнее, такой же, как мама.

Да, она ждала своего десятого дня рождения, считая дни после того, как ей исполнилось девять. Ведь именно тогда Танечка подслушала разговор родителей, в ходе которого отец убеждал маму на первый круглый юбилей дочурки устроить настоящий бал.

Таня ждала всю зиму. И даже лето, обычно столь упоительное, с полными долгими каникулами, показалось ей назойливой прелюдией к сентябрю, на седьмой день которого и приходился ее юбилей.

Летом они побывали на Лазурном Берегу, в том самом Великом княжестве Бертранском, правительницей которого была легендарная Клементина. И, надо же, им даже довелось увидеть ее. Правда, издали — окруженная целым выводком фотографов княгиня, на сей раз в джинсах, простой рубашке и с развевающимися на ветру волосами, ступала на причал с небольшого катера, который доставил ее с белоснежной гигантской яхты, замершей на рейде в волнах бирюзового моря.

Клементину сопровождали какая-то расфуфыренная дама, кажется, известная французская актриса, а также пожилой господин, вроде бы известный голливудский актер. Глаза княгини были скры-

ты темными очками, а со всех сторон их осаждали репортеры, старавшиеся сделать очередной снимок одной из самых известных женщин планеты.

Таня с мамой сидели в кафе, с террасы которого открывался отличный вид на акваторию княжества. За суматохой, связанной с прибытием Клементины, мама не наблюдала, предпочитая читать толстенный роман на французском какого-то ужасно умного экзистенциалиста. И только когда Таня, стараясь разглядеть Клементину, слишком подалась вперед, перевернув чашку с *café au lait*, мама оторвалась от чтения и произнесла с легким укором:

— Ты же знаешь, что если хочешь стать такой, как и она, то и вести себя должна соответствующе!

Танечка зарделась, чувствуя, что на глаза навернулись слезы. Пришлось просить у мамы разрешения отойти в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок. Она как раз смачивала водой кофейное пятно на своем платье, когда дверь внезапно отворилась и кто-то вошел. Таня, подняв глаза и глянув в зеркало, остолбенела — позади нее стояла Клементина Бертранская.

Мягко улыбнувшись девочке, княгиня приложила палец к губам. А затем подошла ближе, положила на столик необычайно стильную сумочку из кожи неведомого пресмыкающегося и сняла очки. Так, без очков, она выглядела другой — такой беззащитной, уставшей и даже... Даже разочарованной.

— Ваша светлость, я очень рада встрече с вами... — пробормотала Таня, внезапно стыдясь своего французского произношения и соображая, так ли надо обращаться к Клементине. Но в той журнальной статье, кажется, ее титуловали именно так...

Княгиня, снова улыбнувшись, раскрыла сумочку, извлекла из нее крошечную золотую коробочку, увенчанную разноцветными камнями, нажала на один из них, в результате чего крышка беззвучно откинулась. Таня заметила внутри нечто, напоми-

навшее конфеты. Или таблетки. Клементина взяла одну, потом, поколебавшись, вторую, быстро положила их в рот, а затем элегантно движением зачерпнула из-под крана воды и запила таблетки.

— Вам нехорошо, ваша светлость? — спросила тихо Таня.

Клементина, несколько мгновений стоявшая с закрытыми глазами и словно набиравшаяся сил, вдруг переменилась. В нее словно влилась жизненная энергия. Дама распахнула глаза, обрамленные длинными черными ресницами, и, обернувшись к своей маленькой поклоннице, сказала:

— Нет, мне хорошо. Очень хорошо!

У нее был чарующий французский. Впрочем, с явной американской интонацией. Ну да, княгиня же была родом из-за океана, наследница семьи миллиардеров...

— Ты ведь из России? — спросила вдруг Клементина.

И Таня смущенно кивнула, подумав: неужели, несмотря на все старания парижской гувернантки, ее прононс так выдает русское происхождение?

Клементина опустила перед ней на корточки, взяла в свои ладони руки Тани.

— Ты милая красивая девчушка. У меня есть дочка, твоя ровесница... Тебя и ее объединяет одно — вы сами можете определять свое будущее!

Таня не знала, что сказать. И вдруг поняла, что эта красивая, богатая, обожествляемая всем миром женщина глубоко несчастна. Но как же так? *Выходит, стать принцессой еще не значит поймать за хвост синюю птицу счастья?*

— Но ведь вы должны быть счастливы... — вывалось у нее.

Клементина усмехнулась, и Таня почувствовала, как княгиня сжала ее пальцы.

— Счастлива? А что такое счастье? Ты не замечаешь его, пока оно есть, и падаешь, словно сра-

женная пулей, когда оно вдруг уходит. Разве вся мишура, которой полна моя жизнь, это счастье? Я ведь не могу быть рядом с человеком, которого люблю и которого одновременно боюсь! Кстати, он, как и ты, тоже родом из России...

Таня молчала, чувствуя, что ладони княгини все сильнее сдавливают ее руку. Но не отталкивать же Клементину, не звать же на помощь... И странно, почему женщина ведет речь о своем любимом из России, если она замужем за сюзереном Великого княжества Бертранского?

Из-за дверей дамской комнаты донесся с каждым мгновением нарастающий гул. Клементина встрепенулась и процедила:

— Стервятники на подлете. Как же я их ненавижу! Раньше я задавала тон, но потом все переменялось, и тон стали задавать они. Запомни — никогда и никому не разрешай определять ритм своей жизни. И не бойся отказаться от всего, чтобы начать все сначала. Но знай — рано или поздно все закончится, и сказка превратится в кошмар. Что, однако, означает и возможность обратной метаморфозы: кошмара в сказку...

Княгиня резко выпрямилась, замерла, глядя в зеркало и словно оценивая себя, прищурилась. Потом быстрым движением надела очки — и в мгновение ока снова стала неприступной и стильной аристократкой, иконой моды, украшением обложек гламурных изданий.

— Уверена, девочка, у тебя все будет хорошо. Только помни о цели своей жизни... И иди к ней! — обронила она. Затем нагнулась и поцеловала девочку в щеку.

Таня почувствовала тонкий аромат эксклюзивных духов. И ощутила, как Клементина повесила ей что-то на шею.

— Но какая она — цель в жизни? — спросила девочка, трогая подушечками пальцев цепочку, подарок княгини.

Внезапно дверь дамской комнаты распахнулась, на пороге возникло несколько особ женского пола с фотоаппаратами. Подскочили работники кафе и стали освобождать Клементине дорогу в толпе беснующихся репортеров, которые преследовали ее везде, не оставляя в покое даже в дамской комнате. Княгиня грациозно шагнула вперед. А затем, на секунду обернувшись, быстро произнесла, говоря как будто в пустоту, но на самом деле обращаясь к Тане:

— А вот это тебе предстоит выяснить самой! И даже если итог будет неутешительный, не стоит отчаиваться. Потому что...

Окончание фразы, видимо, бывшее квинтэссенцией ее странной беседы с незнакомой девочкой, Таня не разобрала, слова княгини потонули в стрекоте аппаратуры папарацци.

Преследуемая стая репортеров, названных ею стервятниками, Клементина исчезла столь же неожиданно, как и появилась. Таня же, все еще не в состоянии поверить тому, что встретила со своим кумиром, сжимала в руке то, что повесила ей на шею Клементина.

Затем девочка повернулась к зеркалу и увидела на цепочке медальон. Кажется, старинной работы. Кажется, золотой. Но, главное, что помимо ювелирной эта вещица имела и иную, гламурную, ценность: еще бы, ведь аксессуар принадлежал самой княгине Бертранской!

Таня захотела рассмотреть подарок поближе, размышляя о том, что она, конечно же, оставит его себе и будет хранить как зеницу ока, только вот маме знать о нем вовсе не обязательно. Ведь мама наверняка отберет у нее презент Клементины и, чего доброго, со словами благодарности на отточенном французском отошлет украшение в великокняжеский дворец правителей Бертрана...

Но тут дверь снова распахнулась, и в дамскую комнату ввалилась какая-то девица. Вид у нее был необычный — вся в скрипучей коже, коротко стриженные волосы, правая половина которых выкрашена в ярко-красный, а левая в ядовито-зеленый цвет, на носу крошечные очки с розовыми стеклами.

— Малышка, ты ведь здесь была, когда сюда вошла красивая тетя? — прокуренным голосом спросила странная особа, являвшаяся, вне всяких сомнений, одной из папарацци. — Скажи мне, что она делала? Женщина ведь доставала из сумочки коробочку и вытаскивала оттуда таблетки? Сколько она их приняла?

Зажав в кулаке медальон, Таня вдруг поняла, что заключила с Клементиной пакт. Та, как фея в сказке, превратила ее, Золушку, в принцессу. *А принцессы и феи должны держаться вместе!*

Мотнув головой, Таня таким образом подозвала к себе репортершу.

Та, жадно втягивая носом, в котором покачивалось кольцо, воздух, уже чужла небывалую сенсацию, видела разворот в ведущих бульварных изданиях всего мира: «Клементина Бертранская — наркоманка! Показания эксклюзивного свидетеля!» Папарацци подумала: пусть другие рыщут по побережью, стараясь напасть на след укатившей невесть куда княгини, эта девчушка, на которую никто не обратил внимания, сейчас живо ей выложит, что видела, а из этого можно будет сделать сногшибательный материал и продать его за такую сумму, что закачаешься!

— Она что-то говорила? Называла имена? Может, сказала, что собирается встретиться с кем-то? Скажем, со своим любовником? — сыпала вопросами репортерша.

Таня жестом показала, что сообщит ей тайну на ухо. Доверчивая папарацци приблизилась вплотную, наклонилась, и Таня, набрав в легкие воздуха,

изо всей силы завопила прямо в ухо беззастенчивой особе:

— Нет! И оставьте меня в покое, не то я пожалуюсь полиции, скажу, что вы пытались меня похитить!

Взвыв, оглохнувшая репортерша шарахнулась в сторону — и налетела на дверцу дамской комнаты, которую раскрыла мама Тани, входя внутрь. Девушка, крихтя, вылетела вон.

— Танечка, все в порядке? — заволновалась мама.

Сжимая в ладони медальон, девочка кивнула:

— Конечно, мамочка, только вот я платье запачкала. Может, вернемся в отель, чтобы переодеться?

Медальон Таня рассмотрела только вечером, обнаружив на нем изображение трубящего в рог ангела. Вещица не показалась девочке очень красивой, однако явно была старинной работы. Без сомнения, именно такие и носят принцессы — настоящие принцессы.

Однако украшать свою шею медальоном Клементины Таня не могла, иначе бы мама тотчас напала на нее с вопросами. Вернувшись в Россию, она спрятала его у себя в комнате среди кукольных украшений. И только по вечерам, украдкой, зная, что в комнату никто не войдет, примеряла медальон, чувствуя себя настоящей принцессой.

Накануне своего десятого дня рождения Таня тоже примерила медальон. А потом легла в кровать, подумав, что надо не забыть его снять. Но глаза девочки закрылись сами собой, и она не заметила, как заснула. А вновь их открыла, поняла, что уже настало утро. И обнаружила, что вся комната заполнена разноцветными воздушными шариками, которых вечером не было.

Таня потянулась, зевнула — и вдруг из-за шаров раздались смех, знакомые голоса, и из-под них вынырнули родители.

Отец поднял дочку с кровати и прижал к себе. Мама, улыбаясь, стояла рядом. Тут же был и Дима с огромной куклой, и тетя Ника, сестра отца, державшая небольшой торт.

— Вот тебе и исполнилось десять лет, моя красавица! — объявил отец, поставив Таню на пол. Его взгляд упал на медальон, и он спросил: — А что у тебя за безделушка такая?

В этот момент заиграла музыка, Таня быстро произнесла:

— Мамочка подарила...

Отец улыбнулся и снова подхватил свою принцессу на руки.

Потом последовали поздравления от остальных. Конечно же, от взгляда мамы не ускользнул медальон, но Таня с ответом на ее вопрос не растерялась, сообщив, что это презент отца. Мама ничего не сказала, чуть заметно нахмурилась. Таня знала, что она не разрешала мужу дарить дочери настоящие драгоценности, а что медальон не игрушечный, золотой, было видно сразу.

Девочке сделалось страшно — ведь рано или поздно, пусть и не сегодня, в день рождения, но уж точно завтра мама заведет с отцом беседу о недопустимости подобных подарков — и ее неуклюжая ложь откроется. *И что тогда?* Поразмыслив, Таня пришла к выводу, что отец ее не выдаст. Сделает вид, что в самом деле подарил имениннице медальон, выслушает упреки мамы, а потом, поцеловав ее, вернет расположение супруги. Папа же никогда не был суров с дочкой, он не отнимет у нее медальон. Тот самый медальон, который наверняка принесет Тане счастье — и сделает ее настоящей принцессой.